

Рассуждение о старом и новом слоге российского языка.

Всяк, кто любит российскую словесность, и хотя несколько упражнялся в оной, не будучи заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к французскому языку, тот развернув большую часть нынешних наших книг с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных. Древний славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему Эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины, и многие другие христианские проповедники². Кто бы подумал, что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка? Кому приходило в голову с плодоносной земли благоустроенный дом свой переносишь на бесплодную болотистую землю? Ломоносов, рассуждая о пользе книг церковных, говорит: "таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с Российским, отвратятся и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту от Греческого, и то еще чрез Латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются, к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене, и к упадку преклоняют." Когда Ломоносов писал сие, тогда зараза оная не была еще в такой силе, и потому мог он сказать: *вкрадываются к нам нечувствительно*: но ныне уже должно говорить: вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю. Мы в продолжении сего сочинения ясно сие увидим. Недавно случилось мне прочесть следующее: "разделяя слог наш на эпохи, первую должно начать с Кантемира, вторую с Ломоносова, третью с переводов *славяно-русских* господина Елагина и его многочисленных подражателей, а четвертую с нашего времени, в которое образуется приятность слога, называемая французами *elegance*." Я долго размышлял, вподробну ли сочинитель сих строк говорит сие от чистого сердца, или издевается и шутит: как? нелепицу нынешнего слога называет он приятностию! совершенное безобразие и порчу оного - образованием! Он именует прежние переводы *славяно-русскими*: что разумеет он под сим словом? Не уж ли презрение к источнику красноречия нашего славенскому языку? Не дивно: ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством. Но как же назовет он нынешние переводы, и даже самые сочинения? Без сомнения *французско-русскими*: и сии то переводы предпочитает он *славено-российским*? Правда, ежели французское слово *elegance* перевести по-русски *чепуха*, то можно сказать, что мы действительно и в краткое время слог свой довели до того, что погрузили в него всю полную силу и знаменование сего слова!*

Отколе пришла нам такая нелепая мысль, что должно коренный, древний, богатый язык свой бросишь, и основать новый на правилах чуждого, несвойственного нам и бедного языка французского? Поищем источников сего крайнего ослепления и грубого заблуждения нашего.

* Хотя не можно сего сказать вообще, поелику и ныне есть писатели, достойно сочинениями своими славящиеся; но их так мало в сравнении с другими, что умы молодых читателей гораздо меньше наставляются их писаниями, нежели заражаются и портятся творениями сих последних.

Начало оного происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно покупают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются?

Будучи таким образом воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, которой в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или ученом языке, толь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего, нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные: из них научаемся мы знаменованию и производству всех частей речи; пристойному употреблению оных в высоком, среднем и простом слоге; различию сих слогов; правильному писанию; красноречивому смешению славенского величаваго слога с простым Российским; свойственным языку нашему изгибам и оборотам речей; складному или не складному расположению их; краткости выражений; ясности и важности смысла; плавности, быстроте и силе словотечения. <...> Волтеры, Жан Жаки, Корнелии, Расины, Молиеры, не научат нас писать по-русски. Выуча всех их наизусть, и не прочитав ни одной своей книги, мы в красноречии на русском языке должны будем уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо следовать по стопам великих писателей, но надлежит силу и дух их выражать своим языком, а не гоняться за их словами, кои у нас со всем не имеют той силы. <...> От сего можно сказать безумного прилепления нашего к французскому языку, мы, думая просвещаться, час от часу впадаем в большее невежество, и забывая природный язык свой, или по крайней мере отвыкая от оного, приучаем понятие свое к их выражениям и слогу. Мы беспрестанно твердим о множестве разного рода книг и превосходных сочинений, изданных Французами, и жалуемся, что мало имеем их на своем языке; но те ли способы употребляем, чтоб до них достигнуть, или их превзойти? <...>

В самом деле, кто виноват в том что мы во множестве сочиненных и переведенных нами книг имеем весьма не многое число хороших и подражания достойных? Привязанность наша к французскому языку, и отвращение от чтения книг церковных. <...>

Французы прилежанием и трудолюбием своим умели бедный язык свой обработать, вычистить, обогатить и писаниями своими прославились на оном; а мы богатый язык свой, не рача и не помышляя о нем, начинаем превращать в скудный. Надлежало бы взять их за образец в том, чтоб подобно им трудиться в созидании собственного своего красноречия и словесности, а не в том, чтоб найденные ими в их языке, ни мало нам не сродные красоты, перетаскивать в свой язык. <...>

Рабственное подражание наше французам подобно тому, как бы кто увидя соседа своего, живущего на песчаном месте и трудами своими превратившего песок сей в плодоносную землю, вместо обрабатывания с таким же прилежанием тучного чернозема своего, вздумал удобрять его перевозом на оный бесплодного с соседней земли песку. Мы точно таким образом поступаем с языком нашим:

вместо чтения своих книг, читаем французские; вместо изображения мыслей своих по принятым издревле правилам и понятиям, многие веки возраставшим и укоренившимся в умах наших, изображаем ил по правилам и понятиям чуждого народа; вместо обогащения языка своего новыми почерпнутыми из источников оною красотою, растлеваем его не свойственными ему чужестранными речами и выражениями; вместо приучения слуха и разума своего к чистому Российскому слогу, отвыкаем от оною, начинаем его ненавидеть и любить некое невразумительное сборище слов нелепым образом сплетаемых. Сверх сей ненависти к природному языку своему и любви к французскому, есть еще другая причина, побуждающая новомодных писателей наших точно таким же образом и в словесности подражать им, как в нарядах. Я уже сказал, что трудно достигнуть до такого в языке своем познания, какое имел, например, Ломоносов: надлежит с таким же вниманием и такую же грудю русских и еще церковных книг прочесть, какую он прочел, дабы уметь высокой славенский слог с просторечивым Российским так искусно смешивать, чтоб высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого. Надлежит долговременным искусом и трудом такое же приобрести знание и силу в языке, какие он имел, дабы уметь в высоком слоге помещать низкие мысли и слова, таковые, например, как: *рыкат, рыгать, тащить за волосы, подгнет, удалая голова*, и тому подобные, не унижая ими слога и сохраняя всю важность оною.

Надлежит иметь воображение изощренное чтением, и память обогащенную знанием слов, дабы уметь составлять подобные сим стихи:

Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает обрушась на ПЕТРА.

Какое подобное падению и шуму волны, падение и шум в стихе! что может быть величественнее сего описания:

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего, не скрыло,
Как пламенна гора казалось меж валов,
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудный при ясном солнце ночи
Верхи золотых зыбей пловцам сверкают в очи.

Какое сладкогласие и чистота слога в двух последних стихах! Верьте после сего *несомненной истине* писателей наших, что ныне токмо образуется приятность слога, называемая Французами *elegance*! Везде глубокое знание языка показуется в цветах, рождающихся под живописною кистию сего великого Стихотворца. <...> Подобная сему осмотрительность показывает, с каким тщанием старался он наблюдать ясность и чистоту слога. Во всех его сочинениях видно соединенное с пылким воображением ума сильное в языке знание, которое приобрел он неусыпным в словесности упражнением, Таковое прилежное чтение Российских книг отнимет у нынешних писателей драгоценное время читать французские книги. Возможно ли, скажут они с насмешкою и презрением, возможно ли *трогательную* Заиру, *занимательного* Кандида, *милую* Орлеанскую девку, променять на скучный Пролог, на непонятный Несторов Летописец? Избегая сего труда принимаются они за самой легкой способ, а именно: одни из них безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таковых например как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобных. Другие из русских слов стараются делать не русские, как например: вместо будущее время,

говорят *будущность*; вместо настоящее время, *настоящность* и проч. Третьи французские имена, глаголы и целые речи переводят из слова в слово на русской язык; самопроизвольно принимают их в том-же смысле из французской литературы в Российскую словесность, как будто из их службы офицеров теми-ж чинами в нашу службу, думая, что они в переводе сохраняют то ж знаменование, какое на своем языке имеют. Например: *influanse* переводят *влияние*, и не смотря на то, что глагол *вливать* требует предлога *в*: *вливать вино в бочку, вливает в сердце ей любовь*, располагают нововыдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его по свойству их языка, с предлогом *на*: *faire l'influence sur les esprits, делать влияние на разумы*¹². Подобным сему образом переведены слова: *переворот, развитие, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно*, и множество других. <...>

Главная причина, к какой многие нынешние писатели относят необходимость рабственного подражания их Французам, состоит в том, что они, читая французские книги, находят иногда в них такие слова, которым, по их мнению, на нашем языке нет равносильных, или точно соответствующих¹⁷. Чтож до того? Неужли без, знания французского языка не позволено быть красноречивым? Мало ли в нашем языке таких названий, которых Французы точно выразить не могут? *Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробие, чадолюбие* и множество сему подобных, коим на французском языке конечно нет равносильных; но меньше ли чрез то писатели их знамениты? <...>

Многие ныне, почитая невежество свое глубоким знанием и просвещением, презирают славенский язык и думают, что они весьма разумно рассуждают, когда изо всей мочи кричат: не уж ли писать *аще, точию, вскую, уне, поне, распудить* и проч.? Таких слов, которые обветшали уже и место их заступили другие, толико же знаменательные, конечно нет никакой нужды употреблять; но дело в том, что мы вместе с ними и от тех слов и речей отвыкаем, которые составляют силу и красоту языка нашего. Как могут обветшать прекрасные и многозначащие слова, таковые например, как: *дебелый, доблесть, присно*, и от них происходящие: *одебелеть, доблий, приснопамятный, приснотекущий* и тому подобные? Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковые, как: *любомудрие, умоделие, зодчество, багряница, возделание, велеление* и проч.? Чем меньше мы их употреблять станем, тем беднее будет становиться язык наш, и тем более возрастет невежество наше; ибо вместо при родных слов своих и собственного слога мы будем объясняться чужими словами и чужим слогом. <...>